

Ю.М. ПРОСКУРИНА

(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1
ББК Ш5 (2Рос=Рус) 5

РУССКИЕ БЕЛЛЕТРИСТКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. В статье предлагается взгляд на литературную эпоху 50-х годов XIX века как на период, отмеченный интенсивным процессом интеграции, особенно в прозаических жанрах. Основные тенденции русской словесности пятидесятих прослеживаются в прозе беллетристок Ю.В. Жадовской, Н.Д. Хвоцинской, Евг. Тур, А.Я. Марченко.

Ключевые слова: история литературы, реализм, период 1850-х годов, беллетристика

Пятидесятые годы в истории русской словесности XIX века часто рассматривались отечественным литературоведением как эпоха застоя, как период «мрачного семилетия», когда все великие заветы В.Г. Белинского были забыты, когда традиция была насильственно прервана, а либералы заняли «враждебную позицию по отношению к реализму»¹. Е.А. Соловьев (Андреевич), хотя и не разделял крайне нигилистические мнения о литературе тех лет, тем не менее отрицал её своеобразие. «Пятидесятые годы, – писал он, – называют обыкновенно пустым местом русской литературы. Это преувеличение, конечно. Но действительно эти годы создали очень мало своего, оригинального. Своей физиономии у них нет»².

И это говорилось о времени, когда творили такие художники, как А.И. Герцен, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, когда появился у нас сам термин «реализм», вначале в статьях у П.В. Анненкова в «Современнике», затем у С.С. Дудышкина в «Отечественных записках». И самое главное – в эти годы шел интенсивный процесс литературной интеграции, особенно в прозаических жанрах. В результате реализм, с одной стороны, избавился от пристрастия натуральной школы к изображе-

¹ Скабичевский А.М. История новейшей русской литературы (1848-1890). СПб. : Типогр. газеты «Новости», 1891. С. 24; Пытин А.Н. История русской литературы : в 4 т. СПб. : Типогр. М. М. Стасюлевича, 1913. Т. 4. С. 599; Бурсов Б.И. Мастерство Чернышевского-критика. Л. : Сов. писатель, 1956. С. 42.

² Соловьев (Андреевич) Е.А. Очерки из истории русской литературы XIX века. 3-е изд., испр. СПб. : Изд-во Н. П. Карбасникова, 1907. С. 197.

нию человека, убитого обстоятельствами, не находящего, по словам Анненкова, «в себе никаких сил для выхода из стесненного положения»³. А с другой стороны, он освоил романтический интерес к «душе человеческой», к «миру благородных мечтаний, порывания» (И. Панаев). В это время И.С. Тургенев заявляет: «...жалок тот, кто живет без идеала»⁴, а С.С. Дудышкин одобряет внимание писателей к человеку «крепкого характером..., который в состоянии вынести на своих плечах самые затруднительные обстоятельства»⁵. По мнению А.И. Герцена, «нравственная независимость человека такая же непреложная истина и действительность, как его зависимость от среды»⁶. Н.Г. Чернышевский уточняет: «От самого человека зависит, до какой степени жизнь его наполнена прекрасным и великим»⁷. В условиях пятидесятих годов становится особенно актуальной мысль А.С. Пушкина о «самостоянье человека» как залого «величия его». Поэтому в прозе тех лет противостояние личности неблагоприятным обстоятельствам рассматривается как признак её нравственной силы, духовной зрелости. В этом противостоянии А.В. Дружинин видит проявление писательского интереса «к самым светлым сторонам так часто осмеиваемого романтизма»⁸. Критик предлагает слово «романтизм» ассоциировать с «поэтической стороной жизни»⁹. Именно это внимание к духовному миру человека обогащало в процессе интеграции русских писателей тех лет, а преимущественная ориентация на воспроизведение, по словам Дружинина, «жизни действительной, вседневной и обыкновенной» оставляла их в границах «школы реальной».

Своеобразие литературы пятидесятих годов, конечно, более заметно в произведениях выдающихся писателей, но некоторые существенные её особенности выражаются второстепенными авторами более прямолинейно, более тенденциозно. В своё время Анненков ставил Белинскому в заслугу признание не одних только гениальных или очень крупных талантов, а всей безымянной массы литераторов, «разрабатывающих вопросы жизни и времени по мере сил своих и пони-

³ *Современник*. 1849. № 1. Отд. 3. С. 11.

⁴ *Тургенев И.С.* Полное собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1980. Соч. Т. 5. С. 77.

⁵ *Отечественные записки*. 1856. № 4. Отд. 2. С. 85. О принадлежности статей Дудышкину см.: *Егоров Б.Ф.* Библиография трудов С.С. Дудышкина // Уч. зап. Тартус. ун-та. 1962. Вып. 119.

⁶ *Герцен А.И.* Соч.: в 9 т. М. : Гослитиздат, 1956. Т. 3. С. 349.

⁷ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1939. Т. 2. С. 40.

⁸ *Дружинин А.В.* Собр. соч. : в 8 т. СПб., 1865. Т. 7. С. 297.

⁹ Там же. С. 76.

мания»¹⁰. «Библиотека для чтения», говоря о популярности в пятидесятые годы термина «беллетрист», теснившего другие определения «творящей личности», признается, что ей особенно близки «обыкновенные таланты»¹¹. Дудышкин объяснял усиление интереса к беллетристам, рост их числа тем, что «условия школы реальной... дают и талантам второстепенным средства делаться замечательными, если у них есть только наблюдательность или житейская опытность»¹².

Литературная «периферия» 1850-х годов была представлена не только мужскими, но и женскими именами. Рядом, например, с М.В. Авдеевым, М.Л. Михайловым и А.А. Потехиным мелькали имена беллетристок в лице Ю.В. Жадовской, Н.Д. Хвоцинской (В. Крестовский – псевдоним), Евг. Тур (псевдоним писательницы Е.В. Салиас де Турнемир). Одни из них ориентировались на лирическую тональность Тургенева, другие тяготели к аналитической манере Л.Н. Толстого, но все они в духе того времени разделяли пушкинскую мысль о «самостоянии человека» как «залоге величия его». Собственно, «самостояние» фактически предполагает противостояние, соседствует с ним. У популярных в России пятидесятых годов английских писательниц Шарлоты Бронте («Шерли»), Элизабет Гаскелл («Мэри Бартон», «Руфь») противостояние героинь обычно имело социальный или религиозный характер. У русских беллетристок тех лет оно не выходило за рамки нравственного, морального содержания, нередко лишённого философско-исторического осмысления, свойственного ведущим отечественным писателям.

Так, например, Ю. Жадовская в 1849, а ее современник Тургенев в 1856 году, то есть в начале и конце так называемого «мрачного семилетия», публикуют повести с одинаковым названием «Переписка». Между этими повестями много общего: эпистолярная форма, диалог двух корреспондентов – мужчины и женщины (Ида Николаевна и Иван Петрович – литературные двойники Марии Александровны и Алексея Петровича). Сближает эти повести интерес их авторов к двум разновидностям современных людей: к романтику и «лишнему человеку». Герои Жадовской и Тургенева страшатся в жизни «общей колеи», далекой от их представления о счастье. «Всё окружающее меня, – пишет Ида Николаевна, – так далеко от сочувствия с безумной душой моей»¹³. Иван Петрович советует ей: «...берегите прекрасное

¹⁰ Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. С. 281.

¹¹ Библиотека для чтения. 1855. № 9. Отд. 6. С. 1.

¹² Отечественные записки 1855. № 1. Отд. 4. С. 58.

¹³ Москвитянин. 1849. № 8. С. 186.

души вашей, не давайте ему вянуть от жизненного холода»¹⁴. И в повести Тургенева Алексей Петрович просит Марию Александровну не изменять своим идеалам, хотя сам он не сумел воплотить в жизнь свои мечты «о благе человечества», пришел к выводу, что «судьбы своей переменить нельзя». Иван Петрович в повести Жадовской тоже расстается с прежними своими взглядами, не устояв перед выгодным браком с дочерью «чиновного человека». Мария Александровна в «Переписке» Тургенева, выслушав исповедь Алексея Петровича, печально констатирует: «...героев в наше время нет»¹⁵. В обоих повестях слышится тоска по добрым, светлым чувствам и звучит упрек в адрес «лишних людей», оправдывающих (особенно у Тургенева) свое бессилие временем, обстоятельствами, наталкивающими их «на ту или другую дорогу»¹⁶. Слова Марии Александровны, обращенные к Алексею Петровичу в самом начале переписки: «Мы друг другу чужды»¹⁷, – как и признание самого Алексея Петровича в собственном «самолюбии», свидетельствуют о нравственной дистанции между ними. Конечно, беллетристке Жадовской, которую еще В.Г. Белинский упрекал за отрыв в стихах от действительности («Взгляд на русскую литературу 1846 года»), было недоступно глубокое проникновение в суть философско-этической проблемы времени. Но она уловила всеобщий интерес к вопросу противостояния человека, не желающего «попасть в общую колею».

Критическое изображение «лишних людей» сближает с Тургеневым и других русских беллетристок, в частности А.Я. Марченко, автора романа «Тени прошлого», опубликованного одновременно с «Дневником лишнего человека». В бытность натуральной школы господствовала концепция, согласно которой, по словам Станкевича, «природа человека добра и благородна, но грубеет... под бременем... обстоятельств»¹⁸. Поэтому реалисты 1840-х годов, сочувствуя трагической судьбе «лишнего человека», осуждали прежде всего враждебные ему обстоятельства. В пятидесятые годы именно эта его зависимость, подчиненность обстоятельствам обусловила критическое отношение к нему как явлению прошлого и вернула авторитет романтику-энтузиасту. В это время Герцен утверждает: «Обстоятельства – многое, но не всё. Без личного участия, без воли, без труда – ничего не делает»

¹⁴ *Москвитянин*. 1849. № 8. С. 184.

¹⁵ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. Т. 5. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ *Современник*. 1848. № 3. Отд. 1. С. 36.

ся вполне»¹⁹. Л.Н. Толстой напоминает в 1853 году: «Чем труднее и тяжелее обстоятельства, тем необходимее твердость, деятельность и решимость и тем вреднее апатия»²⁰. Именно эта апатия, равнодушие «лишних людей» осуждается в ранее упомянутой повести А. Марченко «Тени прошлого», герой которой Березов тяготится жизнью: в ней «ему все кажется лишним», ненужным. «Может быть, – иронически замечает беллетристка, – он сам на этом свете лишний»²¹.

Осуждение «лишних людей», утверждение необходимости активной жизненной позиции характерно в это время и для произведения Евг. Тур. В ее романе «Племянница», которому Тургенев посвятил в целом благожелательную статью, говорится, что «мода на разочарованных, ничем не занятых людей начинает проходить малопомалу»²². В романе «Три поры жизни» (1853) беллетристка устами гордой, независимой героини Лины Минской, видящей смысл жизни в труде «на почве человеколюбия», провозглашает девиз своего времени: «Наша судьба в руках наших»²³. Писательница подчеркивает «самостоянье» Лины Минской изображением рядом с ней пассивных фигур: фаталиста Огинского и безвольной Воротынской, которая сама себя аттестует: «Я слаба... я не могла бороться и покорилась обстоятельствам»²⁴.

Общественно-эстетическую позицию Евг. Тур во многом разделяет самая известная беллетристка тех лет Н. Хвоцинская. Она тоже, как и Евг. Тур, декларирует в повести «Искушение» (1852) актуальный для данного времени лозунг: «Человек должен быть выше обстоятельств»²⁵. Будучи, подобно Жадовской, не только прозаиком, но и поэтом, Хвоцинская излагает свою эстетическую доктрину в стихах:

Бродящий, грустный дух! Я в твой далёкий край,
Где носятся цветы и слёзы средь тумана,
Где светят радуги, – заглядывать не стану.
И в книге жизненной не сказку, не мечту,
Но строгие листы раскрою и прочту²⁶.

¹⁹ Герцен А.И. Соч. : в 9 т. Т. 7. С. 45.

²⁰ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М. : Худож. лит., 1937. Сер. 2. Дневники. Т. 46. С. 186.

²¹ *Отечественные записки*. 1850. № 5. Отд. 1. С. 3.

²² Тур Евг. Племянница. М., 1851. Ч. 1. С. 172.

²³ Тур Евг. Три поры жизни. М., 1854. Ч. 3. С. 161.

²⁴ Там же. Ч. 2. С. 244.

²⁵ Крестовский В. (Зайчкова-Хвоцинская Н. Д.) Полн. собр. соч. : в 6 т. СПб. : Изд-во А. А. Каспари, 1912-1913. Т. 5. С. 150.

²⁶ Пантеон. 1852. № 8. С. 82.

Писательница в этой «книге жизненной» повествует о судьбах обычных простых людей. В романе «Испытание» (1854) она мотивирует свой интерес к ним: «Разве эта масса не люди?.. А свет почти весь состоит из таких людей. Для них не придумано другого названия, как “обыкновенные”. Но вся общественная жизнь слагается из отношений и столкновений этих людей. Следовательно, настоящую драму современной жизни надо искать между ними»²⁷. И беллетристка находит среди них людей стойких, честных, не продающих «своей души за кусок насущного хлеба» («Искушение»). К числу таких людей Хвоцинская относит сельского учителя, повесть о котором она публикует в «Отечественных записках» за 1852 и 1859 годы. В это время, по свидетельству Панаева, учитель был «любимым, неизбежным лицом» нашей литературы, особенно женской прозы (в ней фигурировали обычно учителя и гувернантки, их дневники, записки, воспоминания). Хвоцинская в повести об учителе воспользовалась формой дневника, которая позволила ей заглянуть в душу обыкновенного человека, показать многообразие его внутреннего мира. Вначале ее герой испытывает радостное возбуждение в связи с получением места учителя в тихой Слободке, затем он переживает горечь разочарования, вызванного безответной любовью к помещице Кремнинской, а в итоге учитель заявляет о необходимости для человека самостояния. «Сколько бы горя, обманов, неудач, стеснений, нужды, – говорит он, – ни пришлось мне вынести в жизни, я сохранил сокровище постоянной мысли, постоянной любви к труду»²⁸. Концовка повести Хвоцинской созвучна оптимистическому финалу трилогии Толстого, которая завершается словами Николеньки Иртеньева: «Я решил снова писать правила жизни и твердо был убежден, что я уже никогда не буду делать ничего дурного, ни одной минуты не проведу праздно»²⁹.

Заметная близость «больших» и «малых» талантов в постановке и обсуждении общих проблем позволяет еще раз убедиться в том, что не только великие, но и второстепенные писатели создают определенное «лицо» литературной эпохи.

²⁷ Крестовский В. (Зайнчковская-Хвоцинская Н. Д.) Полн. собр. соч. Т. 1. С. 160-161.

²⁸ *Отечественные записки*. 1852. № 8. С. 213.

²⁹ Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 22 т. М. : Худож. лит., 1978. Т. 1. С. 340.